

Егорка (скорочено)

Борис Левін

російською мовою

О том, что Степан Клочко влиял на Егорку Синюхина, в классе знали. Егорка даже побаивался своего друга. Одно слово Степана было для него законом. В этом уже не раз убеждались. А в последние два дня вот что произошло...

Весь класс собрался после пятого урока на уборку школьного сада. Собрался и Егорка. Сложил книги в свой потёртый клеёнчатый портфель, привязал к нему чернильницу в специальном мешочке и хотел было идти...

— Егор, одна минута. — Степан вразвалку сдвинул на макушку фуражку, подошёл и стал против Синюхина.

— Какой был уговор? Тебе напомнить или ты сам знаешь?

— В сад хотелось пойти, — попробовал оправдаться Егорка и посмотрел на Тамару Берёзко. Та немедленно вмешалась.

— Все идут, и ты, Клочко, не отговаривай Егорку. И не вредничай, я тебе говорю!

Степан Клочко не удостоил Тамару ответом, он даже не посмотрел в её сторону, только передёрнул плечом и медленно пошёл к выходу. Шаг у него был твёрдый, а сам он — коренастый, с низкой крепкой шеей — внушал невольное опасение. Около дверей он задержался, не оборачиваясь, сказал:

— Егор, пошли! — И направился из класса, уверенный, что Синюхин пойдёт за ним. И, действительно, тот, ни на кого не глядя, словно стыдясь своей слабости, пошёл вслед за Клочко.

— Это что такое получается? — не унималась Тамара Берёзко. — Как можно терпеть?

— Он сильный, — сказал Петя Вихряй, курчавый, черноглазый мальчуган, сын школьного сторожа. — Одной рукой восемь килограммов поднимает.

— Да-а, — неопределённо заметил Боря Седых. — Даст один раз — почухаешься...

— Вы... вы настоящие тюлени, — презрительно оглядела мальчишек Тамара. — А я — председатель совета, и я не буду молчать!

Тряхнув рыжеватыми толстыми косичками, она выбежала из класса.

— Тюлени... Ты знаешь, что это такое? — спросил Боря Седых. Петя ничего не ответил: он сердито доставал из парты потрепанные тетради. Боря молча следил за ним... Под окном собрались все шестиклассники с граблями и корзинами. Среди ребят возвышался учитель арифметики, он же и классный руководитель, Николай Иванович. Сквозь окно Боря видел, как Николай Иванович спросил что-то у Тамары Берёзко, и, выслушав её, нахмурился, но ничего, видно, не сказал. Борис догадывался, о ком шла речь, и невольно покраснел, вспомнив, как Тамара резко бросила ему и Пете прямо в лицо обидное слово "тюлени". Но что поделаешь? Не будешь же драться со Степаном. Борис вздохнул и пошёл к выходу, за ним — Петя Вихряй.

Тем временем Степан и Егорка подходили к большому одноэтажному дому на одной из улиц, отдалённых от шумного центра города. У высокой железной калитки друзья остановились.

— Одна минута, Егор, — сказал Степан и скрылся во двор. Егорка присел на скамейку, положив рядом с собой портфель. Улица с двух сторон была густо обсажена каштанами, и из-за них почти не было видно домов. На улице было тихо, пустынно. От скуки Егорка зевнул и, чтобы хоть чем-нибудь заняться, начал выковыривать носком кирпич из тротуара.

Если бы он решился, то немедленно ушёл бы домой и наплевать на "Одну минуту", как он про себя называл Степана Ключко. Может быть, в самом деле, взять и убежать? Но что потом будет? Например, завтра? Степан не простит ему этого никогда. Тогда и в школе не показывайся. Ключко такой, он никого не побоится, даже учителя, а совет о гряде он вовсе не признает. И то ведь, чуть что не так — сразу обещается отцу рассказать. А отец его, известное дело, начальник водной станции, хозяин всех лодок. Захочет — и не даст лодки. Эх, был бы у Егорки отец — была бы и лодка. Матери разве до этого? С того времени, как принесли извещение из военкомата, она стала больше работать и очень устаёт.

Мать... Может быть, она уже дома, пришла со своей фабрики и выглядывает его к обеду? А он здесь, как дурак, сидит и ждёт, пока Степан соберётся...

И как всё случилось? Месяц тому назад Степана перевели к ним в школу, он сел рядом с Егоркой, а когда окончились уроки, домой пошли вместе. На второй день, когда был дождь и за Степаном приехала машина, Егорка поехал с ним. А потом они пошли на речку, и Егорка показал все рыбные места. После того не нужно было больше ходить, а Егорка снова пошёл. У Степана своя лодка. А какие удилища, а блесна! Ну, как не пойти? Уроки, между тем, откладывались, и вместо обещанных матери четвёрок в Егоркином табеле появились тройки и даже двойка...

Что-то подсказывало ему: перестань водиться с "Одной минутой", но проходили дни, а Егорка не мог сказать Степану прямо в глаза: "Больше не пойду".

"Убегу сейчас!.." — решает вдруг Егорка, подымается с лавочки, прикрывает калитку. Но в это самое время появляется Степан. Он что-то дожёвывает, губы его и подбородок лоснятся от жира. Он не обращает никакого внимания на то, что Егорка чем-то расстроен и стоит почти на середине улицы. Степан бросает на лавочку удочки и блесну.

— Это берём с собой. Пошли!

Всю дорогу Егорка молчит. Говорить ему не хочется. Молчит Егорка и на рыбалке; неторопливо наживляет на рыболовные крючки кусочки варёного мяса, червей, на копанных им накануне, подаёт удочки Степану и, отвернувшись, следит за поплавком. Позже пробуют блесной. Но рыба сегодня не ловится, и друзья решают возвратиться домой. На обратном пути Егорка бросает вёсла и хмуро, с предательской дрожью в голосе говорит:

— Погребь-ка сам...

Лодка идёт по течению. Оно легко несёт лодку всё дальше и дальше от берега. Степан сидит на передней скамейке и плюётся семечками. Но когда Егорка бросает вёсла, он перестаёт плевать.

— Шутишь?

— Греби сам.

— Как бы не так. Моя лодка, и я же греби.

— А я не просился с тобой ехать.

Лодку сильно качнуло, она резко повернула в сторону.

Степан бледнеет, нижняя толстая губа с беленькой кожурой от тыквенных семечек отвисает. Маленькие, плоские, как шляпки кнопок, глаза беспокойно бегают, растрёпанная чёлка прилипает к вискам. Он опасливо хватается руками за борта.

— Егорка, греби скорей!.. Я ж не умею.

Вот это да! Степан Ключко не умеет грести! А хвастается: у меня лодка, когда захочу — покатаюсь. Ну и хвастун!

Егорка смотрит на Степана и думает: он, Егор Синюхин, не такой уже слабенький: вон какую лодку сам ведёт!

Степан больше не щёлкает семечек. Он сидит нахохлившись и рукавом вытирает вспотевший лоб. Уже у самого берега хватается Егорку за руку и больно тянет к себе.

— Ты смотри у меня! Чтоб последний раз!

Егорка Синюхин морщится от боли.

— Пусти.

— Для начала — хватит... А в другой раз — пожалеешь.

— Не пожалею! — вырывает руку Егорка и прыгает из лодки. Размахивая портфелем с чернильницей, он быстро шагает по тропке.

— Одна минута! — кричит Степан. — Не забудь завтра в школу прийти пораньше...

Егорка оборачивается, видит внизу, около лодки, Степана с удочками и, махнув рукой — ладно, мол, — идёт дальше. Скорее бы домой! А завтра... Завтра он придёт и пораньше, ему не жалко, — пусть ещё раз перепишет Степан задачу...

Егорка Синюхин пришёл в школу, как и обещал, раньше на целых полчаса. В классе он застал уже Степана Ключко. Но он был не один: только что пришли Тамара Берёзко и Боря Седых. У Бори круглые красные щёки. Он оживлённо рассказывает, кто вчера лучше всех убирал ветки и листья, и как теперь хорошо в школьном саду. Тамара перебила его. Что он рассказывает? Разве она не была в саду? Лучше пусть Седых скажет, решил ли он задачу. Боря ответил: "Да, решил, но задача очень трудная". Тамара вынула тетрадь и показала Боре, как она решила.

Егорка слушал их и жалел, что не пошёл вчера с ними. Испугался Степана. А мог бы и не пугаться. На реке ведь осмелился, бросил вёсла и сказал: "Греби сам". А сегодня? Снова послушался Степана и пришёл на полчаса раньше. Егорка чувствовал, что не может, не в силах побороть своей робости перед Степаном. Вот и сейчас, если Ключко скажет, Егорка покорно отдаст свою тетрадь по арифметике: перерисуй, пожалуйста. Но тут же улыбнулся: задачи, как ни бился, решить не мог. Обрадовался?

Нет, радости было мало: ведь он не выполнил задания... Даже мать, хотя когда-то и семь классов окончила, не сумела помочь.

— Такой задачи я не решу, — сказала она огорчённо. — Сам думай...

Вот Тамара помогла бы. Но как подойти к ней, да ещё в присутствии Степана Ключко?.. Вообще-то он считал, что Тамара Берёзко лучше всех девчонок в школе, и не потому, что она председатель совета отряда, а просто так. Правда, иногда нападёт за какой-нибудь пустяк, но это ничего, ему даже нравится, как она кричит на него. Вот хотя бы тогда, когда Егорка залез на крышу школы, а потом прошёл по карнизу от окна к окну. Тамара больше всех сердилась. Нравились Егорке и её косички — рыжеватые, толстые, с синими лентами; и шапочку она носит красивее всех, и глаза у неё не въедчивые, как у Лизы Богомаз, а серьёзные, большие и него серые, не то синие; а передничек — белее снега...

О том, что Тамара лучше всех девочек в школе, конечно, никто во всём мире не должен знать. Это Егоркина тайна. Случалось, ребята говорили, что Тамара вредная, житья не даёт, тогда он, чтобы ничего не подумали, подтверждал, что, действительно, Тамарка въедчивая девчонка, ну, "просто настоящий председатель совета отряда". И никто из ребят не мог догадаться, что Егорка на самом деле думает о Тамаре.

Неделю тому назад, когда Егорка был дежурным по классу, он сорвал дома все распустившиеся цветы в вазонах и, завернув их в розовую промокательную бумагу, втихомолку принёс в школу. Три урока Егорка продержал букетик под партой, а на большой перемене, когда все вышли из класса, положил свои цветы в Тамарину парту сверху на "Кортик" Рыбакова.

На уроке физики Егорка не смел оглянуться, он был сам не свой. К счастью, его не вызвали к доске, он бы наверняка схватил двойку. При каждом взгляде товарищей робел. Один раз, уже в конце урока, Егорка украдкой посмотрел в сторону Тамары. Ему показалось, что она бледнее обычного, что она смотрит на учителя, а мысли её далеко. Так думал Егорка, и сердце его радостно билось. Теперь она угадывает, кто же это положил цветы. А он никогда и ни за что не скажет ей... Пусть она только знает, что есть на свете такой человек, который... который... Егорка не знал, что он сделал бы для Тамары, но чувствовал, скажи она только слово, — сделал бы много.

Егорка невольно задержался возле Тамариной парты, заметив, как она внимательно поглядела на него, но тут его позвал Степан.

— Где тетрадь? — спросил шёпотом.

— Я... я не решил.

— Не решил?

— Оч-чень трудная задача.

Между тем Тамара и Боря вышли из класса. Степан некоторое время сидел молча, уставившись маленькими глазками в крышку парты. Вдруг он подскочил, словно кто-то ужалил его.

— Тащи сюда тетрадь рыжей команды!

— Что?

"Рыжей командой" Степан называл Тамару и, хотя Егорка знал это, сделал вид, что не понимает, о ком идёт речь.

— Скорей, говорю тебе! — Степан угрожающе сжал кулак, и Егорка пошёл к Тамириной парте, — Бери тетрадь и в одну минуту к доске. Пиши решение, а я покараулю. Да в уголке пиши, мельче.

Степан стоял у двери. Егорка дрожащими пальцами выписывал решение задачи. Поминутно оглядываясь на окна, он писал химическим карандашом цифру за цифрой, чувствуя, что если решение будет длинным, он не выдержит — бросит карандаш и убежит. Куда бежать, — ему всё равно, лишь бы не быть вместе со Степаном. Но куда убежишь? У двери стоит Степан, окна наглухо закрыты. К счастью, решение было коротким и, как оказалось, очень простым. Если бы он дольше подумал дома, то наверняка решил бы... От переживаний у Егорки дрожал подбородок, руки от пота стали влажными.

Наконец всё переписано — и Егорка вздохнул с облегчением, словно преодолел большой трудный путь. Теперь скорее положить тетрадь на место и уйти из класса, а там будь что будет. Но что это? Розовый сложенный вдвое листок промокательной бумаги выпал из тетради и плавно опустился к ногам, на пол. Егорка машинально поднял его, чтобы положить на место, но листок развернулся, и перед глазами отчётливо вырисовалось два слова: "арамат" и "роге" (слова были написаны рядом, а в уголке был приклеен красный с тёмными прожилками лепесток комнатного огонька. Огонёк! Да ведь за эти же цветы попало ему от матери, это же его листок, тот, который он положил в парту Тамары Берёзко, и слова написаны рукой, только их нужно читать наоборот и получалось: "Тамара" и "Егор". Значит. Тамара знает, кто положил ей цветы. Хорошо ещё, что она никому не сказала: Егорку засмеяли бы. А может быть, она не догадалась прочесть эти два слова? Надежда была смутной.

Словно издалека, сквозь шум, как-то вдруг оглушивший его, он услышал звонок. Потом в класс вбежало сразу пять человек, торопливо застучали крышки парт, упал на пол чей-то портфель...

Егорка сжал в руке розовый листок и положил к себе в карман.

Лёгкий, едва уловимый шум прошёл по классу. Чья очередь? Кто будет решать задачу?

Перелистывая журнал, Николай Иванович сделал вид, что не смотрит на учеников. На самом деле он все видел и все замечал. Ребята сидели тихо, стараясь не шуршать тетрадями.

Учитель, внимательно осмотрев класс, мог безошибочно сказать, кто выполнил и кто не выполнил задания. Сегодня почему-то больше других волновался Егор Синюхин. Несколько раз он переложил с места на место задачник, зачем-то сунул его обратно в сумку с книгами, переставил чернильницу, хотя стояла она точно на середине парты.

Не совсем спокойно чувствовал себя и его сосед Степан Ключко. Он не подымал от парты глаз, словно что-то разглядывал там. Кого же вызвать? Учитель колебался. Впрочем, у Степана двойка получена ещё на прошлой неделе, нужно её исправить.

Может быть, он решил задачу? Когда учитель спрашивал, кто не выполнил задания, Степан руки не поднял.

Николай Иванович назвал фамилию Ключко. Тот шёл к доске не спеша, хотя, по всему видно, охотно. Влажной тряпкой потёр руки, нечаянно уронил мел. Выглядело это естественно: человек волнуется, и руки не держат.

Одна только Тамара Берёзко, скользнув взглядом по доске, насторожилась. У неё было острое зрение, и ей не стоило большого труда разглядеть со своей парты какие-то цифры в углу доски.

— Задачу решил? — спросил Николай Иванович.

— Да.

— Напиши-ка решение.

Ключко начал писать. Всё время, пока писал, он ни разу не посмотрел на учителя. Когда, наконец, всё было окончено, Николай Иванович спросил:

— Сам решил?

— Да, — невинно глядя в глаза учителю, ответил Степан. Он ожидал, что его похвалят, но Николай Иванович почему-то молчал. Он заметил, как ведёт себя обычно серьёзная Тамара Берёзко: она что-то шепчет на ухо своему соседу Пете Вихряю, а тот испуганно таращит глаза и отрицательно качает головой. Тамара сердится. И Егорка поминутно меняется в лице: то краснеет, то бледнеет. Нет, здесь что-то не так. Но что?

— Вихряй, что ты там шепчешь? — строго спросил Николай Иванович.

— Я? — вскочил Петя. — Я... ничего.

— Трус ты, — почти вслух сказала Тамара. Учитель сквозь очки внимательно посмотрел на девочку, и та, почувствовав вопрос во взгляде учителя, быстро поднялась.

— Вы посмотрите, Николай Иванович, туда вот, в уголок доски...

— А что там?

— Задача там написана.

— Задача?

Николай Иванович молча нагнулся к доске и, резко выпрямившись, отошёл. Совершенно неожиданно у его губ появились две морщины, будто ему стало очень больно. Он стоял — высокий, худощавый, с седеющими висками — и молчал.

В который раз он должен говорить о поведении Степана Ключко? А тот, словно ничего особого не случилось, стоял возле доски и усмехался. Учителя это вывело из равновесия.

— Ты чему смеёшься?

— Смешно.

— Смешно? — Николай Иванович почти вплотную подошёл к Степану.

— Вы думаете, я написал задачу на доске? А это совсем не я.

— А кто же?

Степан обернулся к классу: тридцать пять пар глаз смотрели на его пухлые щёки и маленькие злые глаза. Только один не поднимал головы. Егорка сидел на парте, не

смеядохнуть.

— Кто же это сделал?

— Егор Синюхин, вот кто. Взял тетрадь у Тамары и переписал... А я не виноват.

До конца уроков Егорка не выходил из класса, и дежурный Петя Вихряй его не трогал: пусть сидит. Никто к нему на переменах не подходил, и он один переживал случившееся. Степан не заговаривал тоже: он словно перестал замечать Егорку, а от этого было ещё больнее. Ведь виноват, прежде всего, Степан, он его подбил, почему же ему одному достаётся? Почему считают, что он нарочно переписал у Тамары задачу? Егорке стало так горько, что впору было бежать из школы.

На последней перемене к Егору подошла Тамара. У Тамары взволнованный голос, она беспокойно прикладывала руки к белому переднику. Егорка опустил голову под её участливым взглядом.

— Я не сержусь на тебя, слышь, Егорка, — тихо сказала Тамара.

— Не сердись? Правда?

— Честное пионерское. Только скажи лучше, как это получилось?.. Ты сам писал?

— Сам... — еле слышно ответил Егорка.

— Ладно... — Тамара приблизила свои большие серые глаза к чёрным влажным глазам товарища. Он молчал. — Ладно, останешься сегодня на совет отряда.

— Останусь...

На заседании совета отряда присутствовали Тамара Берёзко, Борис Седых, Петя Вихряй, Игорь Колесниченко. Вожатой Ирины Хорошун не было сегодня, она обещала прийти позже, как только вернётся из горкома комсомола, куда её срочно вызвали. Тамара попросила прийти классного руководителя, и Николай Иванович сидел теперь на первой парте.

На разных партах сидели Степан и Егорка.

Речь шла о случившемся на уроке арифметики, а перед этим об отказе Степана и Егорки участвовать в уборке школьного сада. На вопрос, почему не пошли в сад, Степан ответил, что у него было срочное дело дома, а про Егора он ничего не знает, тот пошёл за ним сам. Все в классе знали, как это было, но сделали вид, что поверили Степану. Спросили Егорку, почему он не пошёл в сад.

— Я не хотел.

— Неправда, ты собирался, — заметил Боря Седых.

— Никуда я не собирался.

— Мы видели, — сказала Тамара. — Тебя Степан не пустил.

— Нужен он мне больно, подумаешь дело какое, — фыркнул Степан.

— Ключко! — обернулся к Степану Николай Иванович.

Ключко притих, но ненадолго. Когда Егорка ответил, что он сам писал на доске решение задачи, Степан снова злорадно хмыкнул:

— Ага, видали!

Тамара посмотрела на Степана широко открытыми глазами — так она всегда делала, когда сердилась. Однако, тот не обратил на это ровно никакого внимания.

— Ты что-то хотел сказать, Клочко? — спросила она.

— Одна минута. — Степан приподнялся, облизнул нижнюю, всегда влажную губу.

— Я говорил, что Егор Синюхин сам написал... Он ещё не такое может.

— А что он может? — спросил Николай Иванович.

— Пусть сам скажет. Ну, хотя бы, как он товарища бросил на серёдке реки. Было такое? Было. А вы всё — Степан да Степан...

Все замолчали, поражённые. Неужели правда? Егорка бросил на середине реки товарища?

— Скажи, правду говорит Степан Клочко? — будто просит, а не приказывает учитель.

— Говори, Егорка, — шепчет сухими губами Тамара Берёзко.

— Скажи, — волнуются Боря Седых, Петя Вихряй и Игорь Колесниченко — самый маленький в классе, но лучший в школе художник и поэт.

— Было бы что — говорил бы! — бросил, как удар в лицо, Степан Клочко.

Егорка подымает голову и встречает взгляд Тамары. Он ободряющий, тёплый.

— Он говорит, что мне нечего сказать. — Егорка не смотрит на Степана, — А мне стыдно, потому я и молчал... Я бы никогда не взял Тамарину тетрадь... Честное пионерское! Он заставил.

Лицо Егорки краснеет, капельки пота собираются на висках и верхней губе.

— А на речке... Каждый раз я должен грести, а пусть сам попробует. А то хвастается, а грести не умеет... И вообще я больше с ним на речку не пойду!.. — Голос Егорки становится звонче, будто в нём стальные струны появились.

В классе стоит тишина. Николай Иванович сурово смотрит на растерявшегося Степана. Тот, видимо, не ожидал такого от тихони, каким считал Егорку. Тамара кивает головой, подтверждает каждое слово товарища. И другие члены совета одобряют выступление Егорки.

— Совет должен сказать своё слово, — говорит после небольшой паузы Тамара.

— Может быть, на первый раз Егору прощу... — начинает учитель.

— Простить!.. Правильно! — подхватывают Боря Седых и Игорь Колесниченко.

— А Степану Клочко?.. — учитель смотрит на членов совета.

— Клочко сделать выговор перед строем отряда и сообщить его родителям, — предлагает Тамара.

Домой возвращались вместе. Степан Клочко, обиженный на всех, ушёл один.

— Ничего, пусть подумает на досуге, — говорит ребятам Николай Иванович и прощается: ему повернуть за угол — и дома.

Уходят своей дорогой Боря Седых и Игорь Колесниченко. Остаются только Тамара и Егорка.

Некоторое время они, взволнованные, идут молча.

— Ты, Егорка, теперь смотри, не поддавайся ему, — говорит Тамара.

— Я?.. Ни за что!

Снова помолчали.

— А хочешь, Егорка, будем вместе заниматься?.. По арифметике? А?

— Да я что... Я бы хотел.

— Так ты приходи к нам домой, ладно? — Тамара смотрит на Егорку своими большими серыми глазами. И трудно сказать: знает она, кто оставил цветы в парте или нет... Впрочем, это тайна, и он никогда никому и ней не скажет.

Он бежит домой, но на углу останавливается и смотрит, как в самом конце переулочка стоит Тамара, ему хорошо видна её тоненькая фигурка. Тамара машет ему рукой, он поднимает свою руку и долго не опускает.